

The illustration depicts a vampire couple in a dark, gothic city at night. The male vampire has long black hair, pale skin, and striking red eyes. He is wearing a black coat and a necklace with a cross. The female vampire has long, flowing black hair, pale skin, and green eyes. She is wearing a black lace-trimmed corset and a necklace with a blue gemstone. They are standing in front of a building with lit windows and a large, dark, spire-topped structure in the background.

Мариан Траум

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АБЕРЛАУГ.

СЛЕДУЯ ЗА ВАМПИРОМ

18+

Мариан Траум

Аберлауг. Следуя за вампиром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69914107

SelfPub; 2023

Аннотация

Красиво ночью в зимнем ле... лесу?! Так, а что я тут, собственно, делаю? И почему такая дура, чтобы спать зимой в сугробе? Лежу, смотрю на северное сияние и тела совсем не чувствую. Всё кажется каким-то нереальным, как при сонном параличе. Точно, видимо, и есть сонный паралич. Сейчас поморгаю, и всё пройдёт.

Содержание

Пролог	4
Невозможное возможно	11
Жизнь на новом месте	25
Пакостница	40
Такого я не ожидала	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Мариан Траум Аберлауг. Следуя за вампиром

Пролог

Я приоткрываю глаза. Тяжёлые веки поднимаются с трудом.

Медленно моргаю. Смотрю на небо, и ни одна мысль не приходит в голову. А небо такое ярко-зелёное, красивое, затянутое тонкими веточками деревьев, словно сотнями чёрных капилляров. Звёзды сверкают сквозь них, как изумруды, северное сияние напоминает огромную птицу, летящую над тьмой леса. В тишине только ветер завывает, а сверху плавно опускаются крупные снежинки. Они падают на лицо и ресницы. Странно, но тело совсем не чувствую, не могу пошевелиться. Снова моргаю и наконец осознаю себя.

Красиво ночью в зимнем ле... лесу?!

Так, а что я тут, собственно, делаю? Совершенно не помню, что было до пробуждения, и как тут уснула, и вообще почему я такая дура, чтобы спать зимой в сугробе. Мозг работал очень странно. Всё казалось нереальным, существующим лишь в сознании, как при сонном параличе. Точно, ви-

димо, и есть сонный паралич. Сейчас поморгаю, и всё пройдёт.

Поморгала. Ничего не изменилось.

Тишина и умиротворение вокруг усыпляли, накатывала сонливость, и очень хотелось закрыть глаза обратно. Стоило прикрыть веки, и словно падала в бездонную яму, летела куда-то вниз, во тьму.

Но в этот момент появились первые неприятные ощущения: покалывания по коже и судороги, сотнями невидимых иголочек пробегавшие по мышцам. Будто я отлежала всё тело.

Попыталась приподняться – не получилось. При каждом малейшем движении в голове словно ударяли кувалдой. Монотонный металлический звон. И больно, невыносимо больно сводило мышцы. Я страдальчески сощурилась, сжав зубы. С превеликим трудом пошевелила застывшими пальцами, затем согнула замёрзшие ноги. И застонала. Твою мать, как же больно, прямо вспышками простреливает от ребра до ноги при каждом движении. Минуту погодя приподнялась и села в сугробе, упираясь рукой в снег, как в трансе, невидящим взглядом уставилась перед собой. С головы пополз и свалился тяжёлый капюшон. Лицо неприятно обдало снежинками и холодным ветром.

Я закашляла, опустила голову и нахмурилась, отметив необычность своей одежды. Длинная и тесная шуба с мехом внутри и на рукавах. Я бы такое в жизни не надела. На одной

руке серая варежка, как у ребёнка, вторая в снегу рядом валяется. На ногах высокие сапоги, массивные, плотно зашнурованные. Ну и ну, видимо, это всё осознанное сновидение. Хорошо хоть не голая, ненавижу, когда такое снится. Но это пока что, а то я свои сны знаю – ещё тот бредогенератор: сначала всё нормально, а потом обязательно начинает происходить какая-то жесь. Я нервно огляделась.

Кругом не тронутая ничьей ногой гладь сугробов. Голубовато-зелёные, блестящие под фосфорическим светом неба, они тянулись между деревьев во мрак леса. И ни звука вокруг, только деревья тихо поскрипывали. Накинув обратно капюшон, я зябко передёрнула плечами и обхватила себя руками. Морозный воздух охлаждал щёки и подбородок так, что они онемели. Холодно-то как и мерзко...

Медленно, с трудом удалось подняться на ноги. Неудобно двигаться в такой непривычной тяжёлой одежде, тем более когда руки и ноги плохо слушаются, вообще как неваляшка. Пошатнулась, выставила руки перед собой, сохраняя равновесие, и вдруг заметила, что с одной стороны шуба прорезана, словно от тычков чем-то острым. Аккуратно запустила под ткань пальцы. Отдёрнула пальцы и болезненно зашипела. Пальцы были все в крови. Опасения подтвердились. Раны смёрзлись, это искажало ощущение боли, но они там точно были. А ещё есть у меня такая особенность – в обморок падать при виде крови. Такая вот я впечатлительная, и контролировать это почти не могу. Смотрела теперь на толстый

ствол дерева, но как подумала о крови, голова закружилась, а во рту пересохло. Постояла какое-то время неподвижно, приходя в себя, и, облизав сухую корку на губах, пошла вперёд, настороженно вглядываясь в полумрак между деревьями.

Двигалась медленно и вяло, будто под водой, по дну реки. И очень уж реальным всё казалось, это не на шутку пугало. Вздрагивала каждый раз, когда снег падал с ветки или слышался шорох вдалеке. Полярное сияние начинало меркнуть, и различить дорогу становилось сложнее. Длинные чёрные тени от деревьев ползли по сугробам. Снежная корка под сапогами хрустела предательски громко, а ноги проваливались по колено. Взобравшись на пригорок, я обернулась во мрак на дорожку следов. Чувство, что за спиной крадутся, нагнетало. Мне вдруг стало жутко. Всё мерещилось, вот-вот кто-то зубастый и страшный выпрыгнет из темноты и набросится, уволочёт в темноту.

Я сделала ещё несколько шагов и взглянула вниз с высокого крутого склона. Вот это да! Отсюда открывался шикарный вид на лес. «Сказочно красиво, однако, – успела подумать и вздрогнула, когда услышала вдалеке протяжный волчий вой. – И опасно».

Чёрные острые макушки елей вдалеке, которым конца и края не видно до самого горизонта. А моё зрение, оно... оно стопроцентное. Но как? Я ведь ношу очки. Как-то сразу во мраке внимания не обратила, а сейчас вижу. И ещё замер-

заю, мне плохо. Остановилась, обшарила карманы, в которых было пусто.

Окей, гугл... Что теперь? Что можно сделать одной в чаще зимнего леса, непонятно как тут очутившись? Хм... Наверно, начнём с поиска гостиницы. Или кемпинга. Шучу, конечно, – просыпаться будем. Я зажмурилась и досчитала до двадцати, затем больно ущипнула себя. Ничего. Нажала на шубу, где бедро, и почувствовала болезненную резь. Всё ещё стояла, ничего не изменилось. Что ещё сделать, не знаю. Не прыгать же, разбежавшись, со скалы.

Приступ паники подкрался внезапно, становилось всё тяжелее дышать. Сердце забило быстрее.

«Сейчас я проснусь, и всё закончится. Ещё немного, и это исчезнет. Всё не по-настоящему», – судорожно продолжала я шептать себе под нос, выпуская облака пара изо рта.

Опёршись vareжкой о шершавый ствол, не моргая уставилась в темноту. Дремучий лес молчал. Только ледяной ветер протяжно завывал, гоня вихри снежинок по гладкой корке сугробов. И я здесь одна, непонятно где. Так ведь не бывает.

Я стала ходить кругами. Внутри всё сжималось, на глаза навернулись слёзы. И тут вдруг впереди за сугробами что-то хрустнуло. Дёрнув головой на звук, я вся напряглась. И не увидела – почувствовала кого-то. В ту же секунду снег захрустел, тихо-тихо, но я услышала чьи-то аккуратные шаги.

Резко развернувшись, я рванула в противоположную сторону. Споткнулась, чуть не упав лицом в снег, но вскочила,

разбрасывая волны снега в стороны, и продолжила бежать без оглядки. Вернее, ковылять что было сил. Высокие сугробы и тяжёлая одежда тормозили. Вспышки боли пронзали ногу, но страх притуплял боль. Слышала я теперь только своё прерывистое дыхание и заполошный стук сердца. Силы быстро закончились, и я, совсем запыхавшаяся, остановилась, упёршись руками в колени и глотая ртом воздух. Испуганно обернулась, замерла, какое-то время, не моргая, смотрела между соснами. Бесполезно. От волков мне всё равно не убежать. Все деревья, как назло, высокие, с гладкими стволами, и на них не залезть. Я прислонилась к дереву спиной и обречённо съехала вниз.

Взглянув перед собой, я вдруг увидела в чернильной темноте под деревьями хищно сверкнувшие глаза. Потом ещё одни рядом и ещё. Порыв подорваться и вновь побежать прочь теперь сдерживало нарастающее оцепенение. Да и сил уже не оставалось совершенно. Меня обуял страх. Тяжёлый, давящий, такой, когда внутри всё проваливается.

Я чувствовала, как волк приближается, как под лапами при каждом быстром шаге едва слышно хрустит снег. И казалось, звериное дыхание уже у самого-самого уха, а клыкастые челюсти размыкаются над плечом и вот-вот начнут беспощадно рвать на куски. А я буду истошно кричать, пока меня разрывают, и не смогу спастись. Я это представляла, но никак не могла снова повернуть голову, чтобы посмотреть в глаза своей смерти. Замерла, затаив дыхание. Отказывалась

верить, что всё так закончится, и уже не чувствовала, как по щекам градом катятся слёзы.

Я не ощутила момент, когда обмякла. В голове мелькнула единственная мысль: «Я умру». В ушах зашумело, повело в сторону. Обморок вырвал меня из этого мира.

Невозможное возможно

Я открыла глаза, но ничего не увидела: не могла сфокусироваться. Всё было затемнено и размыто, как если смотреть через целлофановый пакет. Лежала не шевелясь какое-то время, слушая, как ветер завывает и что-то потрескивает. Потом снова провалилась. Обрывками помнила, как ощутила вкус тёплого, бульон, кажется. И в редкие моменты, когда сознание немного прояснялось, казалось, что я падаю куда-то вниз, падаю нескончаемо долго. А потом чудилось, что в пустом белом пространстве дребезжит чёрная линия, похожая на молнию, а моё тело, лёгкое и невесомое, утягивает по ней в бесконечность.

Когда снова очнулась и приоткрыла глаза, первая мысль была о том, что всё это очень необычный, реалистичный сон. Надо обязательно его записать. Под одеялом оказалось очень жарко, я ощутила, как сильно пропотела. Кровь, будто раскалённая жидкая лава, растекалась по телу и, казалось, становилась только горячее с каждым громким ударом сердца.

Ожидая увидеть свою привычную комнату, я слегка приподняла голову, собираясь взглянуть на часы, что тикали на столе... Только не обнаружила ни часов, ни стола, ни золотой шторы напротив кровати, ни картины на стене. А тикало

у меня в голове, больно, неприятно, словно кто-то иголкой в мозг тыкал. Со вкусом так, упорно.

А стена, запоздало отметил разум, не бетонная, а деревянная. Взгляд остановился на узком обшарпанном подоконнике и маленьком окне.

Та-ак. А это что? Никогда у меня не было такого странного одеяла. Оно что, из шкур сшито?

Судя по звукам и мерцанию света, комнату освещали не лампы, а огонь. Был порыв вскочить, но сил хватило лишь на то, чтобы вяло повернуть тяжёлую, как камень, голову. С высокой кровати, на которой я лежала, был виден верх кирпичного камина и красные отблески огня на нём. Я приподняла брови. В голову ни одна мысль не постучалась, одно сплошное недоумение. В этот момент поддалась слабости, прикрыла глаза и даже не почувствовала, как опять потеряла сознание. Просто глаза сами закрылись.

При следующем пробуждении с осуждающим негодованием уставилась на деревянную стену, с которой успела познакомиться ранее. Она ещё здесь. Так. И я ещё здесь. А здесь – это где?

Видимо, комната всё та же. Полежав ещё немного, я медленно, заставляя мышцы работать, перевернулась со спины на бок. Ох... Похоже, долго спала, раз тело так страшно затекло и онемело. Сонно, смотря из-под полуприкрытых век, потянулась рукой к голове. Лоб горячий, но, кажется, чувствую себя лучше, чем до этого. А ещё мокрая, хоть выжи-

май, чёлка прямо сырая. Неприятно.

Дальше лежать точно не вариант, надо разбираться, что за приколы. Недолго думая, быстренько спустила одеяло по пояс, засуетилась, как в армии, приподнялась и, свесив ноги с кровати, села. Бок больно закололо. Я сощурилась, приложив к нему руку. Ноги в высоких серых носках не дотягивались до пола. Судя по ощущениям, под широкой штаниной нога выше колена плотно перевязана. Запустив руку под свитер, обнаружила и на животе тугую повязку.

Реально кровать странная, какая-то уж очень высокая. До пола метра полтора, наверно. Неприятный сквозняк обдул ноги и распаренное тело. Мурашки побежали по спине. Тут же захотелось спрятаться обратно под одеяло. Окинула небольшую комнату туманным взглядом и потёрла глаза. Снова окинула, снова потёрла. Вздогнула, поёжившись, и зябко обхватила плечи руками.

Я собралась слезть на пол, как вдруг уставилась на свою приподнятую над коленями руку. Ошарашенно расширила глаза и пошевелила пальцами. Словно раньше была осьминожкой, а тут рука с пятью пальцами. Что за... Нет, рука как рука. Только не моя! Офигеть, как так? Тут же приподняла вторую и повертела. Как будто если бы вторая оказалась моей, это успокоило бы. Я поморгала крайне изумлённо. Нет, не показалось ни капельки. Пальцы явно тоньше, ногти длинные и ухоженные. А мои были слегка обгрызенные. А может, всё-таки кажется в полумраке? Развернула их

ладонями к лицу и не нашла привычной родинки. А ещё на кисти шрам с детства должен быть от гвоздя. Руки не мои. Не мои... А чьи тогда?!

Я мелко затрясла головой и нахмурилась. Бредовость ситуации уже перегружала мозг, и он не справлялся с анализом информации.

Теперь я ощупала лицо и опустила взгляд на грудь. Одета была в серебристый свитер крупной вязки и свободные серые штаны. И... локон на плече? Даже не сразу поняла, что это волосы, показалось, элемент одежды. Потому что мои волосы короткие... были... и я русая, а тут тёмно-каштановая прядь. Взяла её пальцами и подёргала. Больно. Не парик, растут, как родные, из башки. Приклеили их, что ли, на суперклей? Тёмно-каштановые длинные волосы с каким-то даже отливом в янтарный. Разыграть меня решили? На такое только Настя с Максом способны, хотя сомневаюсь, потому что это уже слишком.

В этот момент базовые потребности напомнили о себе. В животе заурчало; подумав об этом, я почувствовала, как сильно пересохло в горле. Воды бы. Хоть пару глотков.

Я облизала сухие губы и обернулась на окно, потом забегала глазами по комнате и глубоким теням, пляшущим у камина.

И тут – о ужас! – обнаружила в углу какого-то мужика! Он неподвижно сидел в кресле и очень внимательно за мной наблюдал.

Ой. От неожиданности я замерла с нелепым выражением лица, приподняла брови, рефлекторно вжав голову в плечи.

«Вы кто?! Где я?» – хотела спросить, но из горла раздалось невнятное тихое мычание. Я шлёпнула по рту ладонью и, быстро прочистив горло, снова попыталась заговорить. Не понимаю, почему я говорить не могу, а мычу, как после инсульта. Вот что за приколы-то, реально!

И тут мужик что-то отметил про себя, поднялся и уверенно так шагнул к двери.

О нет! Вдруг он в скорую позвонит?! Скажет, шизанутая оклемалась, приезжайте. И заберут меня в дурку! погоди, мужик, не надо куда звонить. Я всё объясню. Вот только что я объясню, когда сама не врубаюсь? И, блин... реально не помню последние события.

Но что я адекватная, это сто процентов. И жизнь свою помню, и мозг нормально соображает. Так что никакая я не сумасшедшая!

Соскочив с кровати, я поздоровалась с полом больной ногой. Шикнула, пошатнулась и собралась шагнуть к двери, но обессиленно опёрлась рукой о край кровати. Ох. Значит, тот лес был реальным? Значит, я... Перед глазами на мгновение потемнело, голова закружилась, но это быстро прошло. Сделав неуверенный шаг, я запоздало заметила у камина огромную собаку, которая дремала, уложив морду на лапы. Присмотрелась: или это волк? Реально здоровенный шерстяной волчара. Отреагировав на мои передвижения, он резко под-

нял голову, наострил треугольные уши, оскалился и зарычал. Скорее не зло, а настороженно, предупреждая. Глаза при этом сверкнули, как две луны, в свете камина.

«Тихо, дружок», – хотела сказать я, но вспомнила, что не могу говорить, поэтому просто выставила руки перед собой, стараясь не двигаться резко.

От того, что произошло дальше, я вообще офигела.

Незнакомец вернулся в комнату со стаканом в руке и что-то мне сказал. Какая-то тарабарщина, язык незнакомый, даже близко не знаю какой. Но самое интересное, я поняла смысл. Сначала он обратился к волку, сказанное означало: «Спокойно, Скай, она не опасна», затем повернул голову, слегка наклонив её набок, приподнял бровь и обратился ко мне: «И куда ты собралась?»

Я растерялась окончательно и глупо заморгала, как девочка из аниме. А как же я смысл-то поняла, если язык не знаю? Бр-р...

Так, всё ясно. Я приняла не те таблетки. Это всё галлюцинации. Проклятье. Вот когда я успела так упороться? Больше не пойду с Настей и Максом в клуб. Вот теперь это точно был последний раз. Макс же баловался ЛСД, а потом доказывал, что соседский мопс читает его мысли. Вот и мне подсыпал, гад! И сижу я сейчас где-то в клубе со своими глюками, а все ржут надо мной. И снимают на ка...

Мне этот тип все мысли сбивает. Смотрит так пристально, будто насквозь.

Мужик хоть и глюк, но немного успокоило, что он, судя по всему, никуда не звонил. Я успела его рассмотреть. На вид лет сорока, высокий, худощавый, чёрные волосы собраны в хвост, одет в белую рубашку с широкими рукавами и чёрные штаны. Как-то не похоже это всё на галлюцинацию. Надеюсь, он нормальный. Но если бы это было похищение, то я бы, наверно, тут так просто не стояла... Да нет, вряд ли. Я просто переживаю и мыслю под влиянием эмоций. То есть он в курсе всей шизы, да? По лицу вижу, в курсе. Мне опасаться или радоваться?

Он снова заговорил на непонятном языке, и я снова поняла.

– Понимаешь меня?

Как же объяснить. Так. Я сначала отрицательно покачала головой, но быстро сменила на положительные кивки. По сути, так и есть. И да и нет.

– Говорить не можешь, что ли?

Я пожала плечами и развела руками, выражая искреннее недоумение, мол, сама в шоке от жизни. Мозг подвисал, но продолжал переводить смысл его слов с небольшими задержками.

Тут он внезапно шагнул ближе, и я рефлекторно дёрнулась назад.

– Вода... На, попей, – спокойно сказал он, снова шагнул ближе, в этот раз медленно, чтобы не пугать, и протянул стакан. – Ты два дня спала.

Я осторожно выцепила стакан из пальцев и покосилась на воду, затем на мужика. А это точно вода? Я параноик. Раз уж это реальность, надо быть крайне осторожной. Поднеся к губам, отпила немного, затем залпом осушила. И втянула воздуха через рот. Даже голова закружилась, но полегчало сразу.

Мужчина тем временем вернулся к креслу и по-хозяйски в него уселся. Волк протяжно зевнул и, уложив голову обратно на лапы, прикрыл глаза.

Я покосилась на стол у стены, на котором аккуратной стопкой лежали какие-то листы пергамента и пара толстых книг, тянущих на фолианты, стояла круглая чернильница с пером и серебряный кубок. Сверху на стене мрачный гобелен с мантикорой. Интерьер, конечно, очень странный. На музей похоже.

– Кстати, тебе должно быть интересно. Зеркало вон там, – перебил мои мысли вкрадчивый голос. Мужчина кивнул в угол. Я, проследив за его взглядом, обнаружила на стене большое квадратное зеркало в витиеватой металлической раме.

Смотреть было страшно. Почему-то казалось, что я вообще увижу там не человека, а что-то жуткое и искажённое. Подойдя к зеркалу, уставилась сначала в пол, нервно закусив губу, и потопталась, всё никак не решалась поднять взгляд. А когда подняла, увидела, что из отражения на меня тарашится совершенно незнакомая девушка.

Я изумлённо расширила глаза и приоткрыла рот – отражение повторило.

Что за!

Так, а вот это уже не смешно...

Мне нужно вернуться домой! Из этого места, из... из тела этого. Срочно! Вот прямо сейчас, по магическому щелчку. Я забыла чайник выключить!

И уют, кажется, тоже.

Конечно, мир трах-тибидох-тибидохать по моему велению не спешил и отправлять меня обратно тоже.

Когда ступор прошёл, я неверяще ощупала щёки и приблизила лицо настолько, что можно было рассмотреть поры. Коснулась зеркальной поверхности пальцами. Нос непривычно прямой, всегда такой хотела, серые глаза, а у меня были болотные. Волосы длинные, каштановые, слипшиеся, потому что грязные. Кто угодно, но не я. Теперь посмотрела серьёзно, но взгляд получился больше надменный. Телосложение худое, спортивное. Лицо бледное. Но симпатичное такое, утончённое, как у эльфийки какой-то. Только уши не острые. Хотя, если бы были острые, я бы, наверно, не удивилась уже.

С силой потыкала себя пальцем в скулу. Больно. Обалдеть! Что ты такое? Вернее, что я такое... Так же не бывает.

Окей. Я в другом теле. Если это не моё тело, то где моё тогда? Как вообще это произошло? Может, мозг пересадили? Одни вопросы, а озвучить не могу. Я обернулась, глядя

на мужчину растерянно-вопросительно.

– Послушай, я вижу, ты не понимаешь, что происходит. Присядь, – всё тем же мягким, спокойным баритоном проговорил он и указал на кровать.

Нервно сглотнув, я вернулась и запрыгнула на край кровати. Страшно было услышать правду. Я притянула к себе одеяло. Вдрагивая от озноба, быстро укуталась и нервно вздохнула, шмыгнув носом. А мужчина тем временем продолжил:

– Нет, ты не сошла с ума. И это не сон. Просто другой мир и другое тело. А ты поменялась местами с хозяйкой. Не знаю, кто ты и откуда. Расскажешь потом, когда сможешь.

Звучало сверхбредово. Но по нему было видно, что не врёт и говорит совершенно серьёзно. У меня мурашки по коже пробежали. Хотя я же сама всегда верила, что всё возможно во вселенной, и переселение душ, и вот это. Вон в космосе сколько неизведанного. Но когда оно вот так взяло внезапно и с тобой произошло – это... Это. Просто жуть.

– Повезло тебе, что я мимо проходил. – Мужчина опустил взгляд на волка у своих ног. – Если бы Скай не учуял, лежать бы тебе сейчас костями в сугробе. Так что можешь сказать ему спасибо. – Он помолчал, задумчиво глядя в сторону. – Ты думаешь, как я понял, что с тобой? Мне кое-что известно про переселения. Это явление довольно редкое, но случается. – Он как-то безразлично вздохнул, словно каждый день находил таких вот переселенцев. Посидел ещё немного и поднялся. – Я сделаю тебе поесть. Можешь осмотреться,

но всё же советую не вылезать из постели. На тебе лица нет. А камин не прогревает весь дом.

Его голос успокаивал, а шестое чувство подсказывало, что этому человеку можно доверять. Когда он вышел, я спрыгнула обратно на пол и скептически, с опаской покосилась на волка. Он теперь на меня внимания вообще не обращал. Ручной волк. Круто.

Прямо в тяжёлом одеяле, упрямо волоча его за собой, я прошла по деревянному полу и выглянула из комнаты. Узкий коридор с высоким потолком тянулся куда-то влево. В конце стоял столик, а на нём жестяной таз. Я подошла к окну. Близился вечер, и метель бушевала такая сильная, что, казалось, стены дрожали. Сложно разглядеть, что за стеклом вдалеке. Лес, кажется. Да, точно. Такой тёмно-серой полосой тянется. Интересно, а до города далеко? И какие тут города?

Я опустила взгляд на пыльный деревянный подоконник, вздохнула. Чувствуя, что тело ещё очень слабо и едва стою на ногах, вернулась в комнату, забросила одеяло на кровать и, приложив усилия, подтянулась сама. Раз уж я в другом мире, плюс-минус один день в неведении ничего не решит. Самочувствие всё ещё не очень. Совсем не очень... Спать хотелось, но есть всё же больше. Желудок страдальчески урчал, требуя еды. И я, рассматривая комнату, принялась ждать, пока человек кашеварил, позвякивая посудой за стеной.

Где-то через полчаса он принёс мне тарелку супа и ломоть хлеба и снова ушёл куда-то. Я поела и почувствовала

себя немного лучше от приятной сытости. Снова попробовала заговорить. Не получилось, только опять мычание. Вскоре пурга закончилась. Уснуть не получалось из-за волнения, просто лежала и думала, думала, пока волк вдруг не подошёл к кровати. Встав на задние лапы, передние положил на край и, высунув розовый язык, шумно дышал, с любопытством уставившись на меня своими выразительными жёлтыми глазами.

Я хотела погладить его, протянула руку, но передумала. Смотрит как кот из Шрека, а потом оттяпает ещё руку по локоть, ну на фиг. Такая мощная челюсть с острыми зубами, лучше не рисковать.

– Скай, ко мне, – вдруг крикнул человек из-за стены, и волк по-звериному гибко вприпрыжку выбежал из комнаты. А потом они куда-то ушли. Я слышала, как хлопнула дверь. В доме повисла тишина, только поленья тихо потрескивали во мраке.

Почувствовав себя свободнее, я решила исследовать дом прямо в одеяле, раз уж уснуть не получалось. А оно реально тяжёлое, будто в шкуры камней понапихано. Тапок не было, но в носках, как успела проверить, не так уж холодно ходить по деревянному полу.

В другой комнате очертания предметов едва выделялись и бликовали во мраке. Бледный тусклый свет пробивался из-за штор на окнах. Я ощутила мягкое под ногами и опустила взгляд: здесь лежали медвежьи шкуры вместо ковров. На-

прягая зрение, я рассматривала и ощупывала необычный интерьер. На стене олени рога, какие-то травы развешаны под потолком, прямо как у бабок в деревнях. Несколько сундуков, таких огромных, которые в играх открываются с божественным светом и звуком фортуны. На небольшом столе у окна даже валялась пищаль. Я взяла её в руки и подошла к окну, рассматривая. Тяжёлая, настоящая. У меня была такая газовая зажигалка, имитирующая старинное оружие, но настоящую никогда не видела.

Я всё искала что-то из знакомого мне мира, мобильник там или пачку сигарет. Но не находила. Ну хоть календарь где-то да должен висеть? Если это другой мир, то какой сейчас год?

Точно... Застыв, я покосилась на стол с тихим ужасом.

С чего я вообще взяла, что век двадцать первый? Вдруг тут вообще средневековье? Или, как в киберпанке, будущее. Хотя больше всё-таки на средневековье похоже. Обвела комнату внимательным взглядом. И правда, весь антураж соответствует.

На вешалке в коридоре висели пара курток и шерстяной плащ, внизу стояли громоздкие сапоги. И ещё пара ботинок в шкафу. Видимо, тут живёт кто-то ещё. Там же обнаружила свою царскую, а по-другому её не назвать, шубу, в которой бегала по лесу.

Так как дверь человек закрыл на ключ, я, поднапрягшись, открыла широкое окно и собралась выглянуть на улицу. Луч-

ше бы этого не делала. По сравнению с холодом в доме на улице стоял такой дубак, что меня как ледяной водой окатило. Красноречиво ругнувшись, захлопнула створки обратно и закашлялась. Дальше уже сидела, выглядывая наружу через стекло с красивыми, поблёскивающими в лунном свете морозными узорами. Во дворе, отбрасывая на столик длинные чёрные тени, качались на ветру ветви дерева. Я приложила руку к холодному стеклу, подержала и медленно провела вниз, задумчиво смотря сквозь отпечаток. Отсюда были видны деревья и часть занесённого снегом забора. И высокие голубоватые сугробы до самого подоконника.

На тёмно-синем небе потихоньку проступали звёзды. А в комнате стало совсем темно. Или мне так показалось, потому что долго смотрела на луну.

Какое-то время сидела, подтянув ноги на стул и зацепившись пальцами за край стола, думала, потом вернулась в кровать и, не находя удобного положения, свернулась на краю. Заворожённо смотрела на гипнотизирующий танец языков пламени. Сознание было спутанным, мысли кружились в голове беспокойным роем, в висках пульсировала боль. В какой-то момент веки начали тяжелеть, тело приятно расслабилось, и я уснула.

Жизнь на новом месте

Если в прошлый раз я два дня спала как убитая, то в этот – очень беспокойно дремала. Ворочалась, не находя себе места. Вздрагивала от любого шороха, скрипа двери, от постукивания когтей волка по деревянному полу. Приоткрывала глаза, натыкалась взглядом на камин, пустое кресло и проваливалась снова.

В какой-то момент сон дорисовал, что я сижу в кресле и смотрю в зеркало на стене, плавно покачиваюсь, вглядываясь в отражение. Вдаль вижу размыто. Вместо глаз тёмные пятна, сливающиеся с глазницами, общий силуэт неясный. И тут на губах отражения медленно расплывается жуткая кривая улыбка. Но сама я сижу со спокойным лицом. А оно смотрит, смотрит. Улыбается. Я медленно склоняю голову набок, отражение повторяет. Всё думаю, что просто кажется, но всё же неприятно, поэтому отворачиваюсь. Смотрю на огонь камина, слушаю тихое тиканье часов. И эти равномерные звуки в тишине становятся всё более отчётливыми и громкими. Тик-так... Тик-так...

Нет, это не часы, а пульс стучит по вискам.

Я распахнула глаза. Села рывком, свесив ноги. Почувствовала, что снова неприятно пропотела, весь свитер сырой. Посидела ещё немного, смотря перед собой пустым взглядом. Сонно протерев глаза, прочистила горло и попыталась заго-

ворить. Не ожидала, что получится, вышли мычаще-гудящие звуки. Абырвалг, хы-ы... Прямо стыдно стало, чувствую себя какой-то умалишённой каждый раз, когда порождаю звуки. Язык с трудом ворочался, но после небольшой тренировки вышла невнятная, как у пьяного, речь с заиканиями. Уже что-то...

Я аккуратно прыгнула на пол и подошла к зеркалу. Всё та же незнакомка спокойно смотрела на меня, а я на неё. Раньше моё лицо в расслабленном состоянии казалось хмурым и недовольным, а теперь умиротворённое и грустное, как на иконе какой-то. Покривлялась этой спортивной девице и состроила рожицу. Эх... Свет мой, зеркальце, скажи: кто спёр моё тело? И как теперь жить... непонятно где непонятно в ком.

Выглянув из комнаты, я пошла искать хозяина. Взгляд упал на чёрное пятно, оно тянулось по полу коридора и переходило на стену, как будто на деревянные доски когда-то плеснули кислотой. Вчера в темноте не разглядела. Сейчас же тусклый свет бледно освещал помещение, выхватывая часть стены и дверной проём. В углу всё тот же стул, на нём таз.

Я повернула голову к окну. Близился вечер. На горизонте, отсвечивая на лёгкие перистые облака, алело тусклое зарево. Пурга закончилась, и теперь ровный ряд заснеженных елей за стеклом был отчётливо виден. Я медленно повела рукой по шершавому подоконнику, пока шагала. Засмотревшись,

столкнулась с мужчиной и, подняв взгляд, тут же неловко отошла на шаг.

– Гопрое укро, – маловразумительно проямлила я, косясь на нож в его руках, и отступила ещё немного. Параноик х2. К малознакомым людям с ножом уровень доверия резко падает. А он так выглядит, словно с этим ножом в руке и родился. Краси... гармонично.

– Уже вечер. Смотрю, тебе лучше. Заговорила?

– Ну, я каг... после... ин... зультя, нзн... – Я закрыла рот ладонями.

Он не понял меня, нахмурил брови и сказал:

– Сейчас оленя освежую, и поговорим. Вчера с охоты принёс. – Постоял ещё немного, но вдруг передумал и добавил тихо: – Хотя ладно, пойдём.

Человек кивнул в полумрак комнаты и шагнул туда. Его движения были на удивление лёгкими и бесшумными, словно у бесплотного призрака, неудивительно, что я не заметила его сразу. Я прошла следом и скромно, как бедный родственник, присела к окну. Он опустил на стул напротив меня; ловко чиркнув чем-то, зажёл свечку и поставил её в квадратную застеклённую лампу. Я присмотрелась к пальцам, в которых тускло сверкнул стальной полукруг. Это что, кресало? Серьё-ёзно? Мозг тут же нарисовал пару мамонтов за окном, величественно ступающих сквозь метель куда-то вдаль.

– Что? – озадачился мужчина моим взглядом, вопросительно изогнув бровь.

– Ны-ичего.

– Как тебя зовут? – спросил он, глядя на меня пронзительными тёмно-карими глазами, что в мерцании свечи казались чёрными, как у какого-то тёмного колдуна. На простолоудина совсем не похож. Черты лица не грубые, лоб прямой и высокий, нос длинный, подбородок острый.

– Лер... Лера. – Я помолчала, не зная, как заполнить паузу, что говорить, и добавила: – С-зпасибо, что спасли.

– Можно на «ты». А зовут меня Вильям. – Он слегка приподнял подбородок, смотря не свысока, а внимательно, с долей интереса. – И откуда ты? Расскажешь о своём мире?

– Э... Ну. Чез-стно говоря, ны-е знаю, с чего начать, – продолжая невнятно мямлить, призналась я.

– А про этот мир что-то знаешь?

– Н... нет, откуда? Я тут оказалась з-случайно, не помню, как именно, до сих пор поверить не могу, ч-что это всё реальность. Это ж уму непостижимо, что такое возможно вообще.

– Значит, память от предыдущей владелицы не сохранилась.

– А у вашего мира есть название?

– Аберлауг.

– Необычное. Мне было бы проще начать, если бы я поны-имала разницу. – Речь давалась пока что с большим трудом, но я старалась. – Ну, разницу между мирами. Вот скажите... то есть скажи, в вашем мире есть электросвязь? Т-

телефоны там, интернет? Часы?

Задумавшись, он отвёл взгляд. В общем, не было смысла отвечать, я и так поняла. Но он вдруг вздохнул и так, будто мы тут три часа уже сидим и беседуем, сказал:

– Часы есть, но встречаются нечасто. У богатых господ. Про остальное не слышал. Какие-то научные термины?

– Э... Ны-ет, не научные, – оторопела я.

После ещё нескольких вопросов о том, что здесь есть, а чего нет, я сидела в полном шоке.

Электричества нет и в помине. Для гигиены используют соду, прямо как древние египтяне. Здесь даже спички не изобрели. Зато есть магия. Магия, Карл! И всякие фантастические расы и твари. Хотя чего я удивляюсь. Как будто то, что произошло переселение, менее странно. Я, получается, об этом мире ничего не знаю. Как же мне быть? Где я жить-то теперь буду?

– Я не против, если ты останешься, – медленно проговорил Вильям, видимо прочитав всё на моём лице, и кивнул. – Можешь чувствовать себя как дома.

– И ты так просто готов принять незнакомого чужеловка? Ещё и такого... ну, не из этого мира.

– Ну да, а что?

– А ты один живёшь? Я видела оббубь в коридоре и одежду в шкафу.

Он как-то сразу помрачнел.

– Один, с недавних пор.

Затянулась неприятная пауза. Вильям смотрел пустым взглядом в стол, положив подбородок на сцепленные пальцы, и о чём-то думал. Я решила не выспрашивать подробности и размышляла о своём, нервно теребя пальцами рукав свитера. Внезапно подъехала паранойя: а вдруг это тело начнёт жить само по себе, вдруг я останусь молчаливым наблюдателем или утрачу сознание? Как же я обратно-то вернусь? А это возможно вообще? Казалось, что сейчас услышу что-то страшное. Например, что у меня нет шанса вернуться. Или что действительно утрачу сознание через какое-то время.

– У тебя в твоём мире кто-то остался? – спросил Вильям. – Муж, дети?

– А? – Его слова дошли до меня не сразу. А когда наконец уловила смысл, почувствовала, как в горле пересохло, а пальцы похолодели. – Дети? – сипло переспросила я. – Нет, думаю, мне как бы р-рано ещё.

– А сколько тебе было?

– Двадцать один.

– Странный мир у вас. У нас в этом возрасте женщины уже не первого ребёнка рожают.

Какое-то время мы молчали. Я украдкой поглядывала на спокойного, задумчивого Вильяма и, не выдержав, беспокойно дрогнувшим голосом спросила:

– Я не з-смогу вернуться, да? Ты к этому клонишь? Поэтому з-спрашиваешь?

Он положил руки на стол, серьёзно взглянул мне в глаза:

– Мне не известен ни один случай удачного переселения сознания обратно... Но есть один знакомый колдун, который разбирается в таком, можно будет обсудить это с ним. Зимой он не в городе, так что придётся подождать. Ситуация действительно сложная. И опасная.

– Опасная?

– Да. Понимаешь, переселенцев казнят. Считается, что просто так подобное не происходит. Либо это проклятие, либо в человека вселяется демон и всё в этом духе. Двадцать лет назад, когда я был в твоём возрасте, страной правил один король... А потом с ним случилось это. Какое-то время он даже скрывал, что он самозванец. А когда ложь раскрыли, то сразу приговорили к смерти. Он бежал из страны, а история эта стала притчей во языцех. Но суть не в этом. – Он, не разрывая со мной зрительного контакта, поднялся, поправляя рукав рубашки. Пламя свечи дрогнуло, и по комнате заплясали глубокие тени, а я лишь нервно сглотнула, коснувшись подбородком рук, сцепленных в замок. Он продолжил: – Суть в том, что, кем бы ни был человек и какой бы титул ни имел, таким его просто не примут.

– Вот это мне повезло, – вздохнула я обречённо и провела вспотевшими ладонями по лицу. – А тебе разве не опасно покрывать т-такую, как я?

– В общем да. Но и выдавать тебя я не хочу. Потому что понимаю, что никакой это не демон и не проклятие. Я в по-

добную чушь не верю. Так что пока оставайся, а там посмотрим.

– Спасибо.

Каков шанс в средневековье случайно попасть на рационального человека, который не верит в бабаек и прочее? Будем считать, что мне повезло. Самую малость, если сопоставить со всем происходящим. Конечно, я решила остаться. Как будто были ещё варианты.

Так началась моя жизнь на новом месте.

Дом был двухэтажный. Первый этаж жилой, а выше тесный чердак, заваленный всяким хламом. А ещё тут ходили здоровые стрёмные тараканы. Такие, на которых минимум огнём, максимум вызов Чака Норриса будет оправдан. Я так-то никогда не боялась тараканов, но этих когда увидела, был порыв запрыгнуть на потолок. Реально здоровые и носятся стремительно. Так дзин-нь – и уже в другом конце комнаты. И я тоже в другом, в противоположном или вообще не в комнате, а в поисках боевой швабры.

Во дворе стоял сарай со стойлом и симпатичной породистой лошадкой. Пепельно-серой, с великолепной чёрной гривой. До ближайшего города скакать несколько часов, так Вильям сказал. Предполагаю, мегаполис ещё тот. Со стражами порядка в лице святой инквизиции и докторами в масках с клювами, которые чуму лечат святой водой и волшебной баранкой.

На следующий день, когда проснулась, почувствовала озноб, пальцы ног онемели от холода, в горле першило. Глотать было больно. И ощущение неприятное, как если зимой долго бежать и дышать через рот. Огонь в камине погас, только угли слабо тлели и светились во мраке алым. Холодина лютая. Голод выгнал меня из постели. Потирая предплечья, стала искать Вильяма, но нигде не обнаружила, и еду, между прочим, тоже. Приготовить бы что-то, только не пойму, где он хранит припасы. Со страдальчески-задумчивым лицом я обошла дом несколько раз, на чердак даже слазила. Пусто. Так. Где хавчик, я спрашиваю? Уже начала злиться, как вдруг заметила дверь в погреб. Рядом на стене висела одежда, маскируя её. Подёргала дверь, оказалось, закрыта на замок. Снова подъехала паранойя... Зачем закрывать дверь в подвал, когда живёшь один в глухомани? Не нравится мне это всё. Потому что у кого в доме чужая одежда и замки на дверях?

Походила ещё туда-сюда, заглянула во все доступные щели. Нашла какие-то печеньки в углу в ведре, накрытом полотенцем. Здоровые такие, с ладонь. Еда точно, но из чего именно, непонятно. Достала одну, а она ледяная, как камень. Под водой её долбила, еле поломала, порезала. Мясо какое-то в сухарях, панированное. Нашла котелок, смотрю, а кресала нигде нет. Вот что ты будешь делать, а! Оглядела всю комнату. Стою, думаю. Блин, все руки в крови. Не мо-

ей – печеньки. Прибежала обратно к ведру с водой, отмыла их, снова начала искать. Наконец нашла – нащупала кресло на высокой полке, до которой пришлось тянуться на носочках. Пока чиркала, вся извелась и замёрзла окончательно. Жутко неудобная штука оказалась. Хотелось разреветься маленькой девочкой, искренне, как на похоронах. Называется, как убить время, когда нечем заняться, а жрать хочется. Даже стыдно стало, что такая неприспособленная. Но я же не виновата, что у нас давно и газ изобрели, и спички. И холодильник, между прочим, тоже. И живём как белые люди, а не вот это вот всё...

Обречённо склонив голову, я плюхнулась за стол и, давая пальцам отдохнуть, залипла в окно. Сидела так какое-то время. С полки раздался шорох, что заставил обернуться. Я взглянула туда, приподняв брови, и увидела, как большой кусок хлеба шевельнулся к краю. Снова шевельнулся, покачнулся, но, внезапно передумав падать, юркнул обратно, скрывшись за кувшином. Эм?

Привстав, я подозрительно уставилась на полку. Оказалось, мышь. Серая, мелкая и шустрая. Почувствовав, что её запалили, тут же спустилась по стене. Я успела её рассмотреть (или его). Крысёныш был такой худой, что стало жалко. Одна голова осталась. Как только она не перевешивала туловище, не пойму. Стоило мне снова пошевелиться, как он скрылся в щели между досок в полу.

Пробовать кусок, которым чифанила мышь, не хотелось,

вдруг подхватчу что. Но, подумав ещё немного, всё-таки отломил покусанный край и съела нетронутую часть.

Не стала мучиться с кресалом дальше, потому что голод более-менее утолила. Вильям пришёл, по ощущениям, где-то через час. Покачал головой при виде учинённого безобразия, показал мне, где висит ключ от погреба, и даже научил пользоваться кресалом. Я решила изучить подвал, где тут что лежит, чтобы впредь таких ситуаций не возникало. Всё равно делать нечего. Со свечой в руке спустилась по скрипучей деревянной лестнице. Споткнулась пару раз на узких, прогрызенных мышами ступеньках. Да что же темно-то так везде. Черно... И паутина. Теперь постоянно придётся со свечой ходить. На последней ступеньке запнулась и едва успела схватиться за перила и поймать выпрыгнувшую из рук свечу. Больно ударилась при этом локтем и потёрла его, выругавшись.

Помещение было заставлено бочками, в которых хранились овощи: морковь в глине, картошка, чеснок, свёкла. Стояли банки с травами и специями, каждая подписана. Я подсознательно искала что-то странное и подозрительное из-за недоверия к Вильяму. Но самое странное, что обнаружила, это морковка в глине. И то потому что я не знала, что её в глине хранят. Постояла минут пять с умным лицом, осматриваясь, как детектив, с рукой у подбородка. У меня воображение мама не горюй. Если мозг придумал, что ты участник масонского заговора, то его уже не остановить. И доказать,

что это не так, ты не сможешь.

Эх, ладно, что я, в самом деле, фантазирую. Вообще некрасиво получается. Он меня спас, а я ерунду придумываю.

Ещё тут обнаружилась бочка с вином. Запах такой крепкий, вкусный, но нет, не буду. Пила я крайне редко, только когда ездила на рок-концерты, и предпочитала ликёр. А то с двух пробок развезёт, а я с красавчиком в одном доме, хоть и не доверяю ему, но лица-то это не меняет. Кажется, он вызывает у меня симпатию, сделала я себе чистосердечное признание. Мне ещё жить с ним неизвестно сколько. Так что тихонько крышку закрыла от греха подальше и так же тихонько поднялась по лестнице обратно.

Это было странно, но Вильям с первых дней моего пребывания здесь как будто не замечал, что рядом новый жилец. Помогать по хозяйству вообще не просил. Всё делал сам, как на автомате, через пару дней снова пошёл на охоту, потом за водой к реке, готовил на двоих. И, видимо, не только потому что добрый, а потому что таким образом переживал потерю. Проще и спокойнее, когда рядом кто-то ещё: это отвлекает. Всё же бездельничать было стыдно, поэтому готовку и мытьё полов я взяла на себя. И за лошадью помогала убирать, чистила хлев от навоза. Расчёсывала гриву и разговаривала с ней: очень уж впечатлила меня, городскую девушку, лошадка. Когда живёшь в мире технологий, как-то совсем забываешь про всё остальное и про то, что вообще это остальное

существует. Смотришь в экран монитора, как в волшебное окно, и это становится твоим миром, а реальность меркнет, ускользает.

Мне достались несколько ящиков с одеждой от предыдущей владелицы. Пришлось чужие вещи носить, которые мне были немного велики, но других не было. Они все были чёрные и так мрачно выглядели, что непонятно даже, на какой пол. А в своей тёмно-зелёной элегантной шубе с пышным пушистым мехом на воротнике и рукавах я выглядела на фоне маленького покосившегося домика как настоящая барыня.

Так и жили какое-то время. Помните все эти шутки в интернете про идеальное место жительства для интровертов? Непроступные замки в горах, со рвом вокруг, дома на краю скалы. В общем, на деле оказалось не очень. Совсем не очень. Я хоть и интроверт, но скука смертная... Вот как так жить? Не знаю, как себя развлечь. Компа нет, телека нет, даже плеера, чтобы музыку послушать. Поэтому песни, тексты которых могла вспомнить, просто напевала. Не думала, что без электроники так уныло придётся. Есть и плюсы, конечно. Природа красивая, река, лес. Стопроцентное зрение, например. Хожу на закаты и рассветы смотреть, веточки всякие разглядываю, точки. Так себе плюс, конечно, без всего остального. Немного атмосфера тлена. И если в моём мире она была у меня в душе, то тут пропитывала дом, лес и вообще всё. Суровые будни попаданцев в средневековье – они

такие.

Моими любимыми занятиями стали катание на лошади и чтение книг. У Вильяма их было два шкафа. Читала я свободно, только значение многих слов оставалось непонятным. Прочитать их могла, а вот смысл не понимала. Мозг лагал, иногда я смотрела на текст и видела неизвестные символы, потом снова буквы. Про переселенцев тут оказалось всего две книги. И слишком каверзно изложено, неясно, завуалировано. Таким языком только на билеты отвечать, а потом ссылаться, что в книге точно так же написано.

Кстати, Скай начал ходить за мной как привязанный. В какой-то момент даже пожалела, что он не человек и с ним нельзя поговорить. Даже когда я просто сидела на диване или ела за столом, он садился рядом и следил за каждым движением, забавно подёргивая ушами. А иногда так заливисто выл, что уши в трубочку сворачивались. Я люблю животных, и мы быстро поладили. Волк был очень умный, знал команды, но слушался меня плохо. Скаю явно не хватало внимания. Как странно, что волк так себя ведёт. Надо будет спросить, как его Вильям так воспитал, наверное, щенком ещё взял. Он на волка почти не обращал внимания, да вообще почти ни на что не обращал. Молчаливый, лишнее слово не вытянешь. Но всегда такой вежливый и деликатный. И мрачный. Взгляд проникновенный, прямо в душу, такой, что мне кажется порой, будто он и так всё знает обо мне, а спрашивает, просто потому что скучно. Рано утром, когда ещё темно,

Вильям выходил на улицу наколоть дров, почистить крышу от снега и покормить лошадь. Спал долго и всё время пил какие-то настойки. Я даже заперезживала. Очень не хотелось бы однажды остаться одной в этом неизвестном мире. Но не только поэтому.

Я вдруг начала понимать, что он мне нравится. И из-за этого жутко неудобно. Но как может не понравиться человек, который тебя спас, когда у него горе и когда он выглядит так... ну, так. Не умею делать комплименты. В общем, красивый, как тёмный принц. У него даже конь есть. Почти белый.

Пакостница

В один из вечеров за стеной бушевала метель.

Я сидела на кровати у окна, прислонившись к нему плечом и щекой, расслаблялась, прикрыв глаза. Прислушивалась к вою и шелесту, представляла шторм. Как корабль скользит в океане, разрезая гигантские чёрные волны и раскидывая в стороны сотни ледяных брызг. Как сверкают с железным дребезжанием молнии в ночи, на мгновение освещая качающиеся мачты и людей. Все кричат, бегают и копошатся, пытаются удержать паруса. Спокоен лишь капитан, что стоит у штурвала. Он весь напряжён, прилагает титанические усилия, чтобы удержать руль, и не может позволить эмоциям взять над собой верх. А потом показалось, что комната – каюта, что стены вздрагивают и шатаются, а дом и есть корабль. Волна мурашек пробежала по телу. Но внезапно видение развеялось, звуки метели стали затихать. Я моргнула и взглянула на камин, затем на Ская, что наострил уши и лениво облизнулся, лёжа на круглом тёмно-бордовом ковре.

Надо себе занятие найти. Вот только какое? Хоть садись и книги пиши с таким воображением. Хотя вряд ли меня надолго хватит, чтение успело порядком поднадоесть. А ещё я неусидчива и полна энергии кота Бориса.

Свесив ноги с кровати, задумчиво постучала пальцами по коленям и вздохнула. У меня же есть лошадь, ручной волк и

двор. А ещё красивая природа. Всё не так уж и плохо.

Дождавшись, когда утихнет метель, направилась к двери.

– Вильям, я пойду во двор, – погромче сказала я из коридора, натягивая сапоги, и добавила тише: – Скай, со мной.

Замерла на мгновение с одним сапогом на ноге, прислушиваясь к неизменной тишине, и, решив, что Вильям, должно быть, не услышал, собралась крикнуть погромче. Но тут из темноты дверного проёма устало и едва слышно донеслось:

– Только за ворота не выпускай его.

– Ладно, – кивнула словно сама себе я.

Стоило приоткрыть дверь, как Скай ужом выскользнул во двор и пронёсся, шаркнув когтями по доскам крыльца. В лицо ударил вихрь колючих снежинок, ледяной воздух обжёг лёгкие, когда я рвано вдохнула, переступая через порог. Остановилась у перил, опустила голову и словно спряталась на мгновение от всего мира, скрылась под чёлкой, упавшей на глаза. В мыслях мелькнуло, что волосы стоит подстричь, очень уж мешают и непривычно. Как вообще девушки носят длинные и зачем?

Двор был достаточно большой, окружённый высоким деревянным забором. На нём помещался сарай с лошадьё, часть пространства была засажена яблонями и кустарниками. Возможно, было что-то ещё, но высоченные сугробы скрывали, они мне аж до груди. Глубокие дорожки в снегу, которые собственноручно прокопал лопатой Вильям, тяну-

лись к калитке и сараю.

Нарыв из снега палку, я решила кинуть её Скаю и проверить, отреагирует ли. Сделала обманный манёвр, многообещающе замахнулась и дёрнула рукой. Чем не вызвала у волка ни капли интереса, только непонимающий взгляд, мол, ты что, глупая? Припоминаю, что волки, кажется, плохо поддаются дрессировке... ну а вдруг. Но «вдруг» не сработало и после второго, и после третьего броска. А потом Скай вдруг наострил уши и с разбегу просто нырнул в снег, как лиса. Только попа осталась торчать и пушистый хвост болтался.

Эм... Кажется, я сломала волка.

Я так безудержно засмеялась, схватившись за живот, что чуть не задохнулась. Просто, судорожно хватая ртом воздух, опустилась в снег. Даже прослезилась, о чём тут же пожалела, потому что слёзы начали замерзать на ресницах и глаза слиплись.

Тем временем Скай полностью провалился в сугроб. А я, недолго думая, полезла его спасать. Наверное, это был стратегический ход, потому что сугроб рядом внезапно взорвался с хриплым тьяканьем и попытался повалить меня в снег. Отбиваясь от тяжёлых лап, я споткнулась, плюхнувшись на попу, а он как начнёт кусаться! И нехило так – серьёзный целенаправленный кусь. Прокусил мне руку, несильно, но до крови. Я возмущённо шикнула на волка, на что получила недовольное ворчание. Затем он обиженно вылез, быстренько отряхнулся и пошёл дальше исследовать двор.

Обнаружила за углом аккуратную могилку, расчищенную от снега. Я неподвижно стояла под ледяным ветром, придерживая руками капюшон, и смотрела на полукруглый могильный камень с выбитой чем-то острым надписью: «Эйлин Камриш. 1527—1556». Так значит, это 16 век. Мне вдруг стало тревожно и тоскливо, словно я знала эту женщину, а теперь через много лет пришла навестить.

Волк, который, оказывается, бесшумно следовал за мной, заскулил справа около ног и, помяв снег, сел, уложив морду на лапы. Он помнил.

Постояв ещё немного, я вышла за ворота и подпёрла бревном калитку на случай, если Скай решит убежать. Поднялась по пригорку, вышла из-за деревьев и неторопливо побрела вдоль поля. Тянулось оно почти до горизонта, окольцованное тёмными очертаниями деревьев вдалеке. Создавалось ощущение, что под снегом озеро, но редкие низкие ели, торчавшие тут и там, рушили эту иллюзию. Я брела и смотрела на сугробы, сверкавшие под светом луны, проступившей на темнеющем небе. И думала. Что буду делать, если не смогу вернуться? Как свыкнуться с такой жизнью? Конечно, оставалось кое-что, из-за чего стоило радоваться. Я живая. Пусть в другом теле и в другом мире, но живая. Я дышу, хожу по этой земле.

Остановилась, глядя пустым взглядом перед собой, сжала руки в кулаки в карманах. И вздрогнула всем телом. В эту секунду воспоминания вспышками ворвались в голову, и я

вспомнила всё.

Вспомнила, как пошла гулять с друзьями, как пили газировку и ели пищу в квартире Макса и смотрели боевики, как вышла покурить на балкон. Стояла и рассматривала яркие размытые точки – фары автомобилей, что медленно тянулись по дороге к темнеющему горизонту, сливаясь в линии. А потом внезапно онемела рука, и сигарета выскользнула из неё, а я удивлённо смотрела и не понимала, почему не могу пошевелить пальцами. Даже не почувствовала момент, когда глаза закрылись, а сознание отключилось.

Так значит, это была смерть? Как странно. Раз, и всё, и тебя уже нет. Страшно ли было? Нет, я даже испугаться не успела. Провалилась в пустоту, в отсутствие всего. Там у меня не было никаких забот, не было проблем. И самое невероятное ощущение – это когда у тебя нет себя и ты свободна от всего. Только покой и безмятежность. Смерть похожа на сон, только более крепкий.

Я глубоко вдыхала морозный воздух, выпуская изо рта облачка пара и задумчиво смотря сквозь них. Казалось, сейчас, именно сейчас я поняла что-то важное о жизни, то, чего раньше не осознавала. Сверху медленно опускались снежинки. Большие, сверкающие в лунном свете, они танцевали безмолвный вальс. Я самозабвенно подняла голову к бескрайнему ночному небу, на котором бледно-зелёной полосой застыло северное сияние. Если долго смотреть, ощущение, словно летишь. Дух захватывает. И здесь, в холодном

и одиноком месте, в чужом мире, в котором я лишняя, и в чужом теле, захотелось вдруг восторженно закричать и замахать руками, упасть в снег, сделать руками ангела. Но только улыбнулась при этой мысли, поникла, вздохнула и неторопливо побрела домой. Домой, повторила я мысленно. Я уже называю это место домом.

Наверно, ничего мне здесь хорошего не светит, а о личной жизни можно вообще забыть. Раз этот мир меня не примет, придётся быть отшельником, изгоем. Судя по рассказам Вильяма и прочитанным книгам, тут долго не живут. Подхватчу какую-нибудь болезнь и оочурюсь. Или казнят, если узнают правду о том, кто я. Эх. Должно быть, сейчас я самая несчастная девушка в мире. Где я так накосячила, что вселенная решила мою бедную тушку кинуть в средневековье?

Сама не заметила, как на этих мыслях зависла, приоткрыв решётчатую калитку. И тут, внезапно и нагло оттолкнув меня, Скай выскочил со двора. Я опомнилась, дёрнулась в ужасе и закричала:

– Ска-а-ай! Ко мне!

Ну да, конечно. Только его и видели. Волчара рванул в сторону деревьев. Целеустремлённо, грациозно. И так стремительно и что было мочи, словно всю жизнь только этого момента и ждал.

Итить твою налево!

Я побежала следом, ругаясь себе под нос и спотыкаясь. В шубе бежать жутко неудобно. Пару раз рухнула на колени,

утопая в сугробах, затем сообразила и приподняла тяжёлый подол. Ногу простреливало болью при каждом резком движении, пришлось снизить скорость до агрессивных широких шагов.

– Ска-а-ай!

Чёрт бы тебя побрал, Скай, какой же ты неугомонный. Вильям меня убьёт. Как только он с ним справляется?! К такому личный дрон приставлять надо или ошейник с GPS-навигатором... Тьфу, опять забыла, где я...

Далеко отходить не буду, по следам обратно выйду, тут сложно заблудиться. Погода спокойная, так что, надеюсь, не заметёт. Да и так помню, с какой стороны зашла в лес. Когда начались деревья, разглядеть волчьи следы стало сложнее. Хорошо, что кустарники редкие, на гладких сугробах сразу видно, куда он побежал. Луна, огромная и круглая, висела над верхушками елей, освещая путь. Откуда-то с верхушек елей доносилось пронзительное зловещее карканье, нагнетая атмосферу.

Юху-у-у! Слабоумие и отвага рулят! Что-то я боюсь идти дальше. И ветер начал подниматься, несильный, но следы потихоньку замечает...

Проклятье... Вот как так-то?

Я балбеска. Надо было сразу вернуться и сообщить, что волк умотал в лес. Хотела уже развернуться, как заметила звериный силуэт, метнувшийся за кустарниками.

– Скай, ко мне! Выходи по-хорошему! Не заставляй ме-

ня... – Тут я рухнула в снег по уши. Резко вскочила, кашляя, выругавшись и счищая с лица снег.

Волк стоял на месте, вилял хвостом и рычал куда-то в темноту на невидимого бабая. Тем временем я тихонько подкралась, собираясь схватить засранца за загривок. Но остановилась как вкопанная, услышав за деревьями волчий вой. О нет. Вот только не снова...

Распахнув глаза, я пристально уставилась во тьму между деревьями и замерла. По коже прокатились мурашки, сердце громко заколотилось. Когда я развернусь и побегу, как быстро они настигнут меня? Я растерянно попятилась, но затем очнулась, вспомнив, зачем так упрямо ломилась в лес, и начала толкать Ская, который вообще ноль внимания на меня. Вытолкать псину, то есть волка, по таким сугробам unreal. Да он просто врос в снег! Вот га-ад!

– А ну двигай свою волчью жопу отседова, а то оставлю тебя твоим друзьям на перевоспитание!

Через минуту я уже так распсиховалась, что чуть не сорвалась на крик.

На пригорке что-то смазанно мелькнуло, ветка небольшого дерева вздрогнула, с неё посыпался снег. Я старалась дышать реже, стук сердца перекрывал все звуки. Отстала от Ская и на мгновение вообще обо всём забыла, затаила дыхание, всматриваясь в темноту, испуганно бегая глазами по сугробам и кустарникам.

И тут...

Что-то коснулось плеча. Я взвизгнула, подскочила как ужаленная, рухнула в сугроб, рывком развернулась и сначала устояла на ноги в сапогах, затем подняла взгляд. Вильям смотрел на меня сверху вниз очень недовольно. Я выдохнула так много воздуха, что сдулась буквально как воздушный шар. Фу-ух, слава богу-у, главное, не волки... Так незаметно подкрался. Чуть от инфаркта не умерла.

Он внимательно взглянул во мрак под деревьями, когда снова хрустнула ветка, и, вытянув руку, прицелился туда из револьвера. Я поднялась, отряхиваясь, спряталась за его спину и тоже стала всматриваться между деревьями. Какое-то время стояла тишина.

– Я тебе что сказал? – зло процедил он наконец, опустив револьвер и глядя на меня из-под бровей. – Волка не выпускать. Что непонятного?

– Я... Я всё объясню! Понимаешь, это самое, ну того, как его... Я вышла, то есть шла, думала, а потом раз, и он уже того, – сбивчиво выпалила я, подкрепляя тираду взмахами рук. – Вернее, открыла калитку, а Скай как рванёт, только лапы сверкали. Я вообще не ожидала.

– Так и хочешь, чтобы тебя сожрали.

Я с раскаянием потупила взгляд. Глупая ситуация, но если бы он знал, как я чертовски рада его видеть.

Вильям опустил револьвер. Затем сделал изящное движение им, прокрутив на пальце, и резко убрал в кобуру под плащ. Как это называется, не помню, во всяких фильмах про

ковбоев. На нашем хуторе кличут просто «выебон». Но он не понторез какой-то, у него это рефлекторно, по ходу... Кхм, о чём это я. Неловко отведя взгляд, я с негодованием покосилась в лес. Куда Скай успел удрать?

Стоило Вильяму крикнуть, как волк пулей примчался откуда-то из-за куста и сел в снег, виновато опустив голову и уши. Вот ведь зараза шерстяная! Я сузила глаза и поджала губы, руки так и тянулись придушить засранца и не посмотреть, что волк.

Обратно шли молча, пока меня не одолело дурацкое любопытство.

– Вильям.

– Что ещё?

– А у вас ружья есть?

– Есть.

– А почему ты на волков не с ним?

– Потому что оно сломано.

– Ясно...

Я задумалась. Мне тоже оружие нужно. Хотя я стрелять не умею. А надо бы в этом мире носить с собой оружие, мало ли что. Если не стрелять, то хоть резать смогу. Надо обязательно нож прикарманить.

Впрочем, долго спокойствие Вильяма не продлилось. Уже на следующий день я снова натворила дел. Вот такая я мамкина пакостница. Хочешь найти приключения на пятую точ-

ку – спроси меня как.

В общем, стала я сбивать сосульки над дверью. И залипла на это дело. В результате рухнул весь снежный слой с частью крыши с таким звуком, словно цунами прошёлся, и при этом завалило дверь.

Oh, shit. Я лишь испуганно прикрыла рот руками и вжала голову в плечи. Это не та ситуация, когда за пару минут можно скрыть следы преступления. В общем, мне кажется, меня скоро выселят...

Вильяму пришлось вылезти через окно. Он выругался и, бросив на меня крайне недовольный взгляд, кинул мне в руки лопату расчищать проход. К счастью, лопат было две и рук тоже две пары. Он помогал и даже не ругался, хотя я ожидала. Правда, потом весь вечер ворчал что-то красноречивое про весь мой род и какая я несносная девчонка. Ну, как говорится, на правду не обижаются.

А к ночи ему неожиданно стало плохо. Сначала мне показалось, что просто утомился, пока расчищали завал. Но он сидел в кресле такой болезненно бледный, с кругами под глазами и потухшим взглядом, что казалось, вот-вот упадёт в обморок. Меня это не на шутку испугало. Видимо, действительно болезнь серьёзная. Но как-то очень спокойно он к этому относился. Я спрашивать не стала, по нему видно, что не в настроении и говорить со мной не намерен. Но сварить суп всё-таки предложила. Вильям отказался, послал меня за банками с эликсирами в погреб, а потом и вовсе выгнал

из комнаты, устроившись спать на диване в гостиной.

Беспокойно походив кругами около камина и пару раз почти не специально наступив Скаю на хвост, я утомилась. Залезла на кровать и, глядя в окно в темноту между деревьями, тревожно вздыхала. А если что-то случится? Вдруг он умрёт? Страшно представить, как я тут одна буду справляться и справлюсь ли. Я же вообще в таких условиях жить не умею. Ни охотиться, ни стрелять, ничего.

Такого я не ожидала

Прошло несколько дней. Но того, что случится дальше, я никак не могла предвидеть. Нет, не я снова накосячила. Ничто не предвещало беды, я, как обычно, проснулась, разогрела поесть и принялась тереть пол шваброй в коридоре, тихо напевая под нос песню.

В дверь постучали так неожиданно и громко, что я вздрогнула и едва не выронила швабру. Замерла вполоборота с изумлённым лицом. В голове крутился единственный вопрос: кто и зачем? Мы же в дремучем лесу. Сомневаюсь, что это почтальон.

Я быстро пересекла кухню, распахнула дверь на задний двор и, найдя взглядом Вильяма, что расчищал снег, негромко позвала:

– Вильям! Там кто-то в дверь стучит.

Он словно уже заранее почуял неладное, отстранённо взглянул на меня, нахмурился и, оставив лопату в сугробе, прошёл мимо, через кухню.

– Кто это может быть? – беспокойно спросила я вполголоса, следуя за Вильямом. Чуть не врезалась в его спину в коридоре, когда он остановился, глядя на дверь с таким лицом, словно подозревал там инквизицию.

– Не знаю. Подожди, спрячься.

Я успела юркнуть на кухню, прежде чем дверь приоткры-

лась.

– Добрый день, сэра. Меня зовут Хаинц Вилуш, – быстро прогундосил кто-то. – Мы из Симервержзкого ордена сияющего божества.

Значит, там не один человек. Ну и имя, ну и название. Я их уже боюсь. Нахмурилась, не рискуя выглянуть. Симерв... вр... Как он это выговорил?

– Неужели? – ответил Вильям, его низкий голос прозвучал с негативной интонацией. – Приветствую, достопочтенный. И чем же заслужил столь неожиданный визит?

Зашуршала бумага, кажется.

– Вот, взгляните на список и портреты. Мы уже давно разыскиваем одержимых. Особенно дочь архимага. Она пропала три недели назад во время... одной поездки. Подозреваем, с ней случилось непоправимое, – продолжил человек. – Может быть, вы видели кого-то из них? Одержимые часто скитаются по лесам. Мы уже всё вокруг исколесили. Никаких следов не нашли. Но, сами понимаете, чародей не мог сквозь землю провалиться. И вот... здесь никаких домов больше в округе. Только ваш. Решили проверить.

В этот момент я медленно выглянула с гримасой ужаса на лице. Под словом «одержимые» он имеет в виду переселенцев, видимо. Пока маг говорил, Вильям задумчиво посмотрел в коридор и украдкой на меня. Я зависла на мгновение, потом затрясла головой, молча умоляя, мол, не хочу, чтобы они нашли меня, и не надо никаких проверок.

Дверь была открыта не до конца, Вильям придерживал её, тем самым не позволяя людям заглянуть в коридор. Не выказывая и капли волнения, он развернулся к говорящему и, выдержав короткую паузу, спокойно сказал:

– Не знаю, не видел никаких одержимых поблизости.

Я отступила назад в комнату. Сквозь мутное отражение в стеклянной дверце шкафчика увидела, как Вильям попытался закрыть дверь, но тип оказался навязчивее консультанта цифрового магазина, и выпроводить его так просто не удалось.

– Так вы бы и не поняли, что это они, если бы встретили. Подожди... те, подождите. Вы один живёте?

– Один, жена умерла месяц назад.

– О, сочувствую. Так мы осмотрим дом?

Вильям промолчал.

– Что вас так пугает? Это пара минут, – настаивал незнакомец.

– Послушайте, я занят и не собираюсь тратить своё время.

– Вы не поняли.

– А что тут понимать? Я говорю, занят. Так что прошу меня простить, сударь. Хаинц или как вас там.

– Я про другое. Мы имеем право осматривать любой дом.

Бодались они так минут пять. Вильям начал выходить из себя и повысил голос до грозного баса:

– Отпусти дверь, кому сказал!

– Мы имеем право! Прекрати, или пожалеешь!

Дверь скрипела и ходила ходуном от резких перетягиваний, но в какой-то момент повисла тишина.

– Хаинц, – окликнул его товарищ.

– Я даже ордер предъявлять не стану! Просто вынесу к чертям сейчас эту дверь! – разъярился Хаинц, тоже срываясь на крик.

– Хаинц! – снова тихо позвал его товарищ.

– Что он себе позволяет?!

– Хаинц, твою мать!!! На амулет посмотри. Это нежить! Он не человек!

Я нахмурилась и снова собралась выглянуть. Они что, совсем ебобо?! Что там вообще происходит?

И вдруг двое магов хором заорали:

– Вампи-и-ир!

Коридор озарила вспышка. От неожиданности я дёрнулась, почти подпрыгнула и испуганно попятилась. Вторая вспышка разнесла шкафчик, через стекло которого я наблюдала. Осколки со звоном посыпались на пол.

Вот ненормальные! Психи! Идио...

Клокотавший в груди страх перекрылся порывом выбежать и заступиться за Вильяма. Но что я сделаю магам? Не палкой же лупить выскочу. Боевых-то магов... А они, между прочим, за мной и пришли. Скрутят как нечего делать или зашибут в припадке ярости.

Чёрт! В приступе паники я ринулась к двери на задний двор, распахнула её и, совершенно растерявшись, оберну-

лась.

Вильям забежал на кухню и пригнулся, едва успев ускользнуть от очередного фаербола. От взрыва посуда и столовые приборы со звоном посыпались на пол, хлопнули дверцы настенных шкафчиков. Вильям сделал быстрый пружинящий шаг к двери и...

Я успела лишь моргнуть, когда он одним смазанным рывком настиг меня. Отпрянув от неожиданности, изумлённо распахнула глаза и чуть не слетела со ступенек, вовремя схватившись за перила.

Оказавшись за порогом, он так же резко развернулся и захлопнул дверь, опустив железную щеколду. И быстро ушёл с прохода, словно маги сейчас вынесут дверь.

– Это что, правда? Ты... ты что, реально из этих? – только и смогла выдавить я, поражённо сглотнув.

– Тебе лучше с ними, – сказал он, игнорируя вопрос и пристально смотря на забор. – А мне надо уходить.

– Как?! – крайне ошарашенно воскликнула я, вскинув руки. – Ты издеваешься?! Ты же сам сказал, что они меня убьют. Казнят! Когда поймут, что я не я. Вернее, она не она.

– Я не уверен. Попробуют переселить обратно, скорее всего.

Дверь сотряс мощный магический удар, затем второй, она засветилась по щелям и вздрогнула, как от штурма тараном.

– А если не получится, а если я... – не унималась я, на эмоциях вцепившись в рукав Вильяма, и тут же опасливо от-

дёрнула руку. – Нет! Не отдавай меня им! Пожалуйста!

– Не знаю, что тебя ждёт со мной. И что дальше, не знаю. – Его глаза смотрели безразлично, словно сквозь меня, и мне померещилось в чёрной глубине зрачков что-то жуткое и демоническое. – Собираешься доверять вампиру?

Я растерялась. Быть подопытной крысой у магов я не желаю. Интуиция подсказывала, что идти с ними точно нельзя. А ещё я до смерти их боялась. А Вильяма нет.

– Я иду с тобой!

– Уверена?

– Нет! Подумаю ещё полчаса, – огрызнулась я. – Уверена. Прощу тебя! Я их боюсь!

Он повернул голову, посмотрел на дверь своими тёмными глазами так спокойно, холодно и задумчиво, словно за ней никого и не было. Словно мы давно стояли тут и философствовали о бренности бытия и пора бы уже расходиться по домам.

Я только сейчас ощутила, как холод болезненно покалывает и пронизывает стопы и всё тело. На дворе зима, а я в носках выскочила. И без верхней одежды, в одном свитере.

В этот момент дверь вынесли! С треском и фейерверками.

Первый маг в длинной серебряной мантии выбежал и, удивлённо вытаращившись на меня, крикнул:

– Тейрра! – и ринулся ко мне, а я от него к калитке с воплем:

– Мужик, я тебя вижу первый ра-а-аз!

Зря я это сказала, очень даже зря, мелькнуло в голове. Хотя пофиг, всё равно узнают, что я переселенка, когда поймают.

– Она под гипнозом. Не дай вампиру уйти! – прокричал второй маг где-то за спиной, судя по голосу, тот самый Хаинц. Я притормозила и обернулась, почувствовав, что бежавший отстал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.